

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
 “ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
 НАШ САЙТ: denlit.ru
 ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
 denlitera@yandex.ru

(начало на стр.1)

Как же будет жить народ с затопленными родительскими могилами и церквями, с затопленной тысячетелней почвой, с “затопленной памятью”? — спрашивает нас Распутин в “Прощании с Матёрой”.

В повести “Дочь Ивана, мать Ивана” он показывает, как живёт этот народ.

2. Цивилизационная подмена

Справедливости ради надо признать, что послевоенная советская цивилизация, “коммунизм переварившая” и тайком под интернационалистский галдэж узаконившая многие основополагающие принципы цивилизации русской, сколько могла, камуфлировала цивилизационный переворот, происшедший после оттока русских из деревни. Во всяком случае, на уровне носившихся в воздухе фраз о “народо-труженике”, “трудолюбивости”, официальной пропаганде труда производительного.

Таким образом, лишённые русской почвы новые жители больших городов, в их числе и Тамара с Анатолием Воротниковы, ещё не сталкивались в них с резким, чуждым им воздухом, потому что до них там уже “надыхали” — русский воздух буквально вдыхался предшествующими поколениями русских людей в искусственную, безвоздушную оболочку советской эпохи.

Однако всему бывает конец. И в 90-е в России было легализовано то, что фактически сложилось уже к началу 80-х. Сделано это было по-русски, одним махом, потому у героев повести и возникает чувство обвала, оползня, при наступлении “новой жизни”. Приглядись они пристальнее, как и все мы, к тому, что забурлило в восьмидесятых, заметь всё возраставшие аппетиты оборотистых людей “новой формации”: партийных и комсомольских чиновников, руководителей производств, работников торговли и сферы обслуживания, с их жадной легализовать и преумножить своё незаконное и в русском, и в советском понимании благосостояние, увидь всё это герои повести — может быть, и не стало бы для них последующее такой неожиданностью.

Но уж — пока не грянет, не перекрестимся! И это тоже наше.

Поэтому наиболее неотступное ощущение, преследующее отца и мать, Анатолия и Тамару Воротниковых, — это ощущение нового, резко чуждого воздуха, принесённого “новой жизнью”. Это дух торгашеской цивилизации, которая, почти не таясь, воцарилась в последние годы советской власти: дух спекуляции, наживы, бла-та, взятки. Оказалось, что “в стране победившего социализма” продаются и перепродаются не только заморские джинсы и подпольные видеокассеты, но и места и должности, научные степени и положение в турнирной таблице, и ещё очень и очень многое. Однако не всё, и стыдливо.

Возможность продавать всё, и в открытую — для героев повести, как и для большинства из нас, стала шоком. Произошло то, что можно назвать *цивилизационной подменой* — на канонической территории земледельцев, по-

томков Иафета, в открытую воцарился и манифестировал себя торгашеский дух потомков Сима. И ничего удивительного, что именно семитские народы (в первую очередь арабы и евреи) почувствовали себя “в новой политической и экономической реальности”, как рыбы в воде.

Этим объясняется и невиданный доселе наплыв в крупнейшие русские города (именно города!) выходцев с Кавказа и Закавказья. И даже вековая ненависть между потомками Сима (арабами и евреями), сложившаяся из-за жестокой и опять-таки многовековой их конкуренции в торговле, даже эта ненависть оказалась забыта.

И дело не в отчаянном порыве матери, застрелившей дикаря-насилльника, а в том, о чём Тамара Ивановна постоянно себя спрашивает: что, разве не видела она, куда всё это ведёт? Разве не понимала, к какой жизни потянуло её дочь? И отвечает сама себе — не видела! В каком-то нравственном обмороке жила все эти годы.

Но слишком просто было бы этим “нравственным обмороком” объяснять все наши беды. В одной из своих статей Сергей Кара-Мурза спрашивает — разве мог бы ельцинский режим существовать почти десять лет, если бы на то не было негласного согласия всего общества. И отвечает

3. Два пути

И здесь было бы нелишне вспомнить о том, что лежит в основании любой цивилизации, что канонизирует те или иные принципы её, накладывая печать неповторимости на целое. Я говорю, разумеется, о религии. Вспомним, что сынам Иафета, населившим 1/6 мировой суши, было заповедано евангельскими притчами именно возделывание своей земли!

Именно русские землепашцы (7/8 населения страны) в качестве *сословного* определения усвоили себе определение *религиозное*: крестьяне! Где всякий русский без труда расслышит первоначальное “христиане”.

ним нормам. И мучительные внутренние монологи русских героев повести Распутина разбиваются об эту бесцельную, невесть откуда сваливающуюся на них действительность. А ведь Тамара Ивановна и её сын Иван, наиболее часто задающиеся такими вопросами, это ещё лучшие, те, что ещё пытается понять происходящее, не выгнуть душу в угоду “новому”. А большинство и не думает, выгибается (каждый на свой манер), и даже — вспомним слова Кара-Мурзы — не без удовольствия от своего сияющего колбасно-шмоточного счастья!

Не понимая, что состязаться в умениях наживы с теми, кто занимается

ры, и должна являть её обезумевшему миру до самых последних времён, должна свидетельствовать о Христе! Именно поэтому: Россия без Христа Богу не нужна! Как об этом сказал покойный владыка Иоанн.

В строгом соответствии с этим в повести открывается и второй, *мирный* путь излечения русских от онтологического беспамятовства, постигшего всех нас — он указан в образе сына Тамары Ивановны, Ивана. Это то самое поколение молодых русских людей, которые сегодня по двадцать три — двадцать семь лет, их, разумеется, меньше, чем оглушённых “ящиком” и “свободой” их сверстников, однако присутствие этого поколения в нашей жизни уже чувствуется. Писатель о нём только намекает в конце повествования, и здесь нужно отдать должное художественной совести Валентина Григорьевича: он их не знает, не знает в таком целостном и всепроникающем знании, как Тамару и Анатолия, — и умолкает.

Осмелюсь продолжить там, где поставил точку художник: у меня много друзей, кумовьев, просто “родственников по духу” в этом поколении. Им по двадцать пять — двадцать девять лет, но у них уже по двое (чаще по трое) детей, по выходным и праздникам они всей семьей в церкви, утром и вечером — на молитве. Они знают, для чего и зачем они здесь, *почему они — русские*. Даст Бог, к своим сорока-пятидесяти годам они вырастят и воспитают по пять-семь крепких духом и телом русских мальчиков и девочек, те — своих. Это — и есть та будущая Россия, о которой пророчил Св. Серафим Саровский. А зрители “Фабрики звёзд” и “Последнего героя” — вымрут. Сами собой, без СПИДа и эпидемий. Просто потому, что, посмотрев “ящик”, они идут выгуливать своих тысячедолларовых пудельков, а их место у пульты занимает одно единственное, изнеженное и обречённое чадо. Жизненный мунус.

Что же касается распорасавшихся “гостей”, то поставить их на место сможет только Ивана и воспитанные ими дети, и сделать это будет не так трудно, как представляется многим сегодня, — ведь дикари отравляются комфортом западной цивилизации гораздо быстрее. Необходимо просто помнить, что полтора века назад, когда русские покорили среднюю Азию и Закавказье, у нас в центральных губерниях было в среднем по семь-восемь детей в семье, у туземцев — три-четыре.

P.S.

Кстати, у Распутина в конце повести Иван едет строить храм в родовом своём селе, то есть возвращается на землю. Он ещё не определился, что будет дальше. Но, помня о том, что прокормит большую семью в городе практически невозможно, а также о той немислимой хрупкости и уязвимости, которая характеризует современную городскую цивилизацию, сложно предположить, что движение назад, на землю, станет ещё одним из признаков становления России новой. А земли, доставшейся от предков, у нас ещё, слава Богу, много!

Алексей ШОРОХОВ

Русский вопрос у Валентина Распутина

Просто поделили сферы: сверхприбыльная торговля сырьевыми ресурсами и “образом жизни” — у одних, продуктовые и вещевые рынки — у

— нет, не мог бы! Значит, не только 2% олигархов, не только 20% чиновников всех уровней, но и большая часть населения сумела пристроиться в “но-

Для сравнения заметим, что Коран отнюдь не так приветствует земледельческий труд, и, напротив, благословляет торговлю. Это не говоря уже

этим уже тысячелетия, — бессмысленно, и что уже их же детей и внуков, потерявших землю и недра, должности и перспективу образования, ждёт неизбежное физическое рабство и вымывание!

Великий русский филолог, Фёдор Иванович Буслаев приводит в одном своём сочинении древнегородскую легенду о “благочестивом” купце-ростовщике, перед смертью покашлявшем и оставившем все деньги на строительство собора. Так вот, когда мастера, расписывавшие этот собор, спрашивают у епископа, где им изобразить благодетеля, епископ твёрдо отвечает — в саду! Таким страшным грехом для наших предков было ростовщичество, наживая на несчастии, богатство из пустоты!.. Взглянув на торжество окружившей нас “банковской цивилизации” поневоле задумаешься — то ли наши предки чего-то не понимали, то ли мы очень далеко от них ушли...

Что же дальше будет с народом, в историческое одночасье (без малого за столетие) лишившимся и родной почвы и родного воздуха, оказавшимся, как рыба на суше, в новой, агрессивной для него действительности? — спрашивают себя герои повести. И один ответ перед ними возникает: или же произойдёт большая “встряска”, которая вернёт на место заглуженные русские головы, или же наше место займёт более приспособленные к воцарившейся у нас всесветной барачке чужаки. Распутин не говорит об этом открыто, но подводит нас к этому выводу. А нам — нам только и остаётся вспомнить, как Господь лечил русских от исторического беспамятовства. Офранцузившихся — французами в 1812 году, онемечившихся немецкой социал-демократией — немцами в 1941-м. Глядя на отнюдь недумываемые маневры вдоль российских границ наших нынешних “стратегических партнёров” — можно предположить, что и обамериканившихся русских ждёт то же лекарство.

И здесь впору задаться вопросом, почему Небо не даёт забыться, исчезнуть именно России — ведь многие великие царства и цивилизации и при гордо разданных испытаниях и потрясениях канули в Лету? Ответ на этот вопрос будет только один — потому что только Россия на сегодняшний день, как и сто, и двести лет назад, несёт в себе *полноту Христовой ве-*

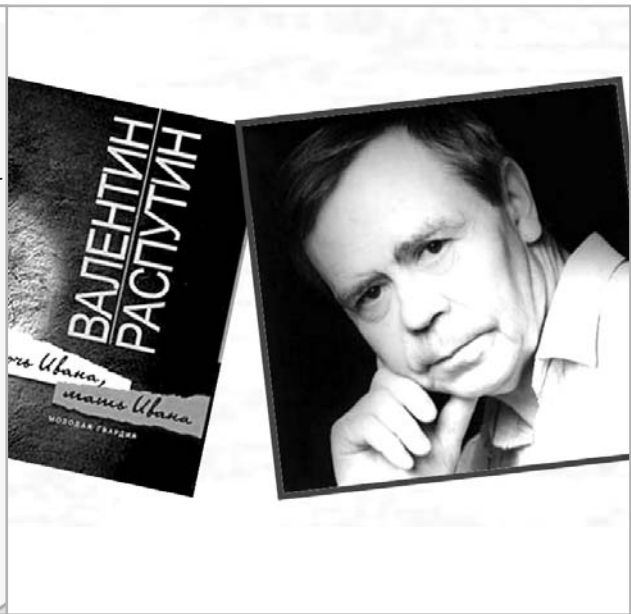
«Прощание с Матёрой»

Два чувства дивно близки нам

—
 В них обретает сердце пищу —
 Любовь к родному пепелищу,
 Любовь к отеческим гробам.

А.С.Пушкин

других.

Именно рынок как модель современного мира становится центральным местом в повествовании Распутина. До последней возможности противостоящая стихии рынка крепкая русская семья Воротниковых тоже оказывается втянутой в его всепоглощающее жерло, и так же как в общенациональной жизни, в жизни семьи это столкновение цивилизации — побеждающей рыночной и потерявшей себя земледельческой — заканчивается катастрофой. Мотыльком упорхнувшая на запах халвы и блеск всесветной толкучки старшая дочь Воротниковых Света — смята и изнасилована “человеком рынка”, торгашом-азербайджанцем, скорее всего и в Россию-то прибывшим нелегально, да только чувствующим себя в ней “победителем”, хозяином “новой жизни”, который и на таможе кому надо сунет, и в прокуратуре. Стало быть, не подзаконным ничему. И насилующим, и взятым сущим в открытую.

Происходит это, напомним, в стране, где 80% населения продолжают оставаться “паспортными” русскими.

вой жизни”! Получила возможность “иметь”. Одни больше, другие меньше. Чиновники с торгашей, торгаш с рядовых граждан, те друг с друга: врачи с больных, учителя со школьников, преподаватели со студентов, и т.д. Даже божь у Распутина, приютившийся в семейном общежитии, получил возможность “иметь” — сдвигает на ночь не принадлежащую ему комнату. А что в ней будет, кто будет убивать-насилывать — его не интересуют. Даже своеобразную философию придумал.

Державу буквально растащили по чуланам и перепродают — и не только Чубайсы и Абрамовичи, но и прапорщики Петровы, механизаторы Ивановы, лесники Сидоровы. На глаза парадокс: в целом жизнь стала хуже, а каждый в отдельности стал жить лучше. Такая вот плата за отказ от небесного статуса, змёного могущества и исторической перспективы.

Памятая о сказанном выше, о том, что определяло русскую цивилизацию на протяжении тысячи лет, такой лёгкий переход большинства русского народа в услужение чуждой торгашеской цивилизации не может не пугать!

о Талмуде, по которому едва ли ни единственно важным делом являются ростовщические операции. Поэтому, когда потомки Сима, воспитанные этими религиозными учениями, занимаются торговлей и финансовыми спекуляциями — они занимаются своим. И ни о каком уважении к неспособным и неискусным в умениях наживаться “чужакам” (а именно так воспринимаются ими коренное население России) речи быть не может!

Ведь русские даже и не торгуют, а всего лишь распродают, пока им есть, что распродавать, — остатки державной плоти: большую и малую госсобственность, должности, звания. И сами того не замечают, как более сплочённые и искусные торгаше-перекупщики занимают уже не только рынки, но и посты в администрациях, кафедры, должности, подтягивая к себе своих бесчисленных чернявых родственников.

Отсюда парадокс номер два: оставаясь в численном большинстве, русские оказались в своей стране эмигрантами, которые вынуждены приспосабливаться к чуждому цивилизацион-

поднесённая стоит”, а вот из Москвы — Сибирь это даа... это, паря, за кудыкиной горкой, не говоря про Дальний Восток. Про какой-нибудь Кунашир или Малую Грядку. Любый сибиряк знает Среднюю Россию во сто раз лучше, чем житель этой Рассеи Сибирь. Для сибиряка и дальневосточника — Рассеюшка это дом, родной и желанный. Нам, правда, отсюда всё видеть. Мы ж на горе живём.

Михаил
ТАРКОВСКИЙ

Либералы ишь по несчастью

чем между Владимирским крестьянином и москвичом. В этом случае такие сельские жители — братья по Русской провинции. Но и в самой русской провинции миллион оттенков. Наверное, главное для сибиряков — крепость, активность, какое-то состояние души, когда ты на коне — во все смыслах. Я поразился — ехали на запад открывать с женой год литературы. Выступали по библиотекам. Проехали от Красноярска до Воронежа. Своим ходом. Так вот, где-то в Удмуртии, по-моему, поразилась одному моменту: никто в притрассовых посёлках-деревеньках не знает, сколько километров до такого-то города, как куда проехать, грубо говоря — не ведает, что в ста верстах. В Сибирь каждый Красноярск ездит наизусть гигантский край “знает до самого Норильска”, до Диксона. Все речки, чуть не все деревни. И неважно, по работе или на рыбалку летал. Это его дом огромный. И хотя в деревнях есть люди, в Красноярск” десятилетиями не выезжающие, главное отличие сибиряка — это ощущение огромности дома.

— В общем-то, я неспроста это спросил, потому что существует (действительно существует, а не враги выдумали, как утверждает телевизор) сибирский сепаратизм: собственно, уже с 20-х годов 20-го века существует. Если мы вспомним, то и последний (страшный, обречённый, героический) поход Белой армии (Сибирский дружники генерала Пепеляева) был под сепаратистским бело-зелёным штандартом и имел целью отделение от Советской России по образу Дальневосточной республики. И идеологическую почву для этого подготовила местная интеллигенция ещё в начале 20-го века... За недавние годы “перестройки и перестрелки” эта идеология, мягко говоря, здорово окрепла — с помощью и на гранты интеллигенции уже совсем не местной.

Какова сегодня опасность сибирского сепаратизма? Что им движет — обиды на “центр”, издевательские законы и порядки “новой России” (так они для всех одинаково издевательские), телевизионное остеревение? Или что-то другое?

— Вражники измыслили. Никакого сибирского сепаратизма нет и быть не может. Если не считать бытовое таёжно-деревенское гундленье навреда (да хрен, мол, с ней с Москвой, мы тут сами с усами проживём, картошечка своя, рыбека не перелеслась ишшо, звер-птица шабарабница...). Обычное крестьянское ворчание. Которое моментально слетит, если надо будет эту Москву защищать. Ты же помнишь, как сибиряки воевали?! Для сибиряка “тыща вёрст не крику”, и, может, поэтому для нас Москва — вот она, “как

ней главное — не пересобачиться за её видение! Если бы я прорабатывал идеологию, я бы сформулировал её как “Служение Отечеству”. Всё. А философски религиозно если: “Мир в котлах и мы емо помеха”. Запад тащит планету к гибели. Всегда поражает несправедливость: почему какой-то озабоченный технической стороной народец подвергает всех остальных в эту борьбу за “плоскость экранов”? Что за шидишко всё, свою историческую миссию выполнил? Не приходят такие мысли в минуты, скажем, душевной слабости и смуты?

Или же, наоборот — именно Православие и есть залог нашего сохранения? Ведь пережили же и ужасы татарщины (или как сегодня пишут в учебниках истории: “годы активного взаимопроникновения культур”), и Смуту, и насильственную “европеизацию” при Петре, и всеевропейские орды Наполеона и Гитлера, большевизм, наконец, — а веру сохранили!

— Нет, Алексей, не приходят. Надо не китайцев учить Православие, а себя. Считаю, что веру сохранили. Хотя так. У нас по статистике меньше, по-моему, 10 процентов церковных людей. Поэтому миссионерство должно быть у себя дома. Иностранцы сектанты борются за каждого русского, а у нас: “Что надо — сам придёт”. Оно по Божьей-то и мудро (имеющий уши да слышит), но социально-политически приводит к тому, что нас обходят.

Эйфория духовности прошла. Интеллигенция, как обычно, сначала из духа противоречия фыркала на Советы за то, что “духовность зажимают”, а как дали возможность в храм ходить (вот рядом как раз — для тебя построили, новенький, за углом — чтоб не ехаты!), завоняла, какие плохие “попы”. А простой народ смотрит ящик и празднует хелувины или, язви их, валентины. Не могу... Всё... Зря ты меня раздракнул...

В школе русские, в Сибирю — кто-то из учителей, вот, мол, хелуви тут у нас, детишки радуются... Я грю: вы что — обалдели? А они: “А что такого?”. Вот в этом “что такого” вся и беда.

А так — всё больше старобрядчество интересуется и раскол. Сердце просит объединения. Сейчас единство главное. Всё. Приверженность только языческому периоду, только Православному и только коммунистическому не должна быть предметом раздора меж русскими людьми, и конечно все эти эпохи должны монолитно стоять в сердце. Что ж я скажу коммунисту, поднимавшему целину или горевшему в танке? Ты не православный?! Неправильный? Да наоборот! Только вместе... Русское просвещение. Очень аккуратная подача Православия, чтобы не отшатнуть. Вороны сидят вокруг на сухих кедрах и каждую трещину раздора приветствуют хохотом. А кедры сохнут, когда реки мелеют. Не дать мелесть!

— И последнее. Твои думы, что стало с Русской весной? Ведь так много воодушевления, такого подъёма именно русского народа не было... даже и не вспомню, когда такой был...

Русская весна отступила? И “вся грязь превратилась в серый лёд” (по словам Егора Летова)? И “всё идёт по плану”?

Или же что-то другое?..

— Не знаю. У кого отступила? У донецких ополченцев отступила? У тебя отступила? И у меня нет. Всё идет по плану Божьему. Только это не значит, что сидеть надо сиднем. Да, такие вещи как Крым, ДНР, ЛНР — объединяют, независимо от того атест ты или православный. Но бой за Русский мир идёт, каждую секунду, минуту. В Москве, в Красноярске, в Южно-Курильске.

И главное — чтобы весна эта в твоей душе была — и в десять лет, и в восемьдесят.

Беседовал Алексей Шорохов

(начало на стр.1)

Больные, что-то там трёкаются про безынициативность русских, совершенно не знают жизни. Они бы парализли трудоспособности, неугомонности, бесстрашию наших мужиков, некоторых из которых впору и треножить — настолько они активны в дорожной, морской, речной и таёжной жизни. И сейчас в ходу такая мысль: вот, мол, у меня сосед неврастимый, тихий, “бесшлагый” (от слова *шлаглы* — жабры), “ничего ему не наа”, не понимаю таких. А ему товарищ отвечает: “Да дурак ты, Пётро, чем больше таких — тем бацше — придорожа целей будет! Представляешь, если б все как мы были!”.

Алексей, ты не представляешь, что творится на федеральной трассе, связывающей Сибирь с Тихим океаном, после того, как её полностью заасфальтировали! Я имею в виду, лето творится. Магаданцы, сахалинцы (!) владивостокцы, хабаровчане буквально прут очарованно на своих машинах путешествовать по России. В Горном Алтае я встречал летом Приморские номера, 25-й регион.

А что касается общего духа — он действительно есть. Я в “Кресте” писал о том, что омичи и хабаровчане, между которыми 6 тысяч вёрст, говорят на одном языке. Это один народ, и гордящийся своей жизнью, да ещё и отвечающий на ту тёплую зуральскую Рассеюшку, из которой он и вышел. И неважно 400 или 40 лет назад! Хотя конечно, Дальний Восток есть Дальний Восток и это абсолютно своеобразный и отдельный регион, поразительный и немислимый (спасибо предкам-первопроходцам!). И даже Хабаровский край и Приморье, а ещё грубее Хабар и Влад — совершенно разные города, и для владивостокцев хабаровчане — сибиряки. А для хабаровчан — владивостокцы чуть ли не одеситы какие-то.

Про типы и подтипы сибиряков и дальневосточников и вправду можно говорить бесконечно и делить их ещё на десятки подтипов, коренных и приезжих; приезжих 20, 50 и 100 лет назад; делить на русских — староверов, потомков казаков, потомков крестьян, потомков поморцев. Делить на украинцев, обрусевших ссыльных немцев и приблалтов, делить на татар, тюркоязычных алтайцев, тувинцев, хакасов, бурят, долган, якутов. Угорских хантов. На самодийских ненецех, селкупов и нганасан, на тунгусо-маньчжурских кетов, эвенков, эвенгов, удэгейцев и так далее. По мне так это всё равно Русский мир. Мой. И, брат, нам жизни не хватит говорить о нём. Но главное — да! — особый народ сибиряки. Но ни в коем случае не отрицающий единство России. И не устану повторять, что освоение русскими Сибири и Дальнего Востока не имеет ничего общего с завоеванием европейцами Америки. И надо отдать должное русским, которые мирятся с проявлениями национализма, к примеру, в Якутии. Это говорит лишь о шири русской души, о её терпимости имперской, о доброте. О силе истинной. Мы так можем. А они нет. Из Якутии много русских уехало. Один журналист верно подметил, что пока в Москве спорят, вводить ли в школу Православие или это “мракобесие”, якутские школьники чётко знают, сколько у них богов и каков “верхний” и “нижний мир”. И продолжают выдавливают русских из республики. Вот тебе и Русский мир. Есть о чём поговорить. Чей он?